

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 24
ББК 86.35
Т39

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Б. Останина, В. Кучерявкина*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Т39 **Тибетская Книга мертвых** / [перевод с английского
Б. Останина, В. Кучерявкина]. — Москва : Издательство
АСТ, 2024. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-138561-3

Человек боится смерти. Но что так страшит его в этом естественном переходе в иную стадию существования? Не страх ли неизвестности?

«Тибетская Книга мертвых» («Бардо Тхёдол») — одно из самых популярных на Западе произведений буддизма, которое исследовал и комментировал сам Карл Густав Юнг, — посвящена тому, как человеку безмятежно принять процесс умирания и что затем происходит с душой. Как быть спокойным в процессе умирания? Как распознать собственное «я» при переходе в новую, посмертную реальность? И почему размышления о конце жизни, во всех ее духовных аспектах, ведут к освобождению от страха перед ним, очищая и оздоравливая личность?

Смерть и жизнь после нее — вечные важные вопросы для человека. А потому «Тибетская Книга мертвых», написанная, согласно преданию, еще в VIII веке, остается актуальной и интересной для читателя и в наши дни.

УДК 24

ББК 86.35

© Перевод. Б. Останин, 2021

© Перевод. В. Кучерявкин, 2021

© Rascher & Cie. AG, Zürich, 1963

© Foundation of the Works of

C. G. Jung, Zürich, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-138561-3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К. Г. ЮНГА¹

Прежде чем приступить к комментарию, необходимо сказать несколько слов о самой книге. «Тибетская Книга мертвых» («Бардо Тхёдол») — это сборник наставлений, предназначенных умирающему и умершему. Подобно «Египетской книге мертвых», она служит путеводителем по области *Бардо*, символически представленной как промежуточное состояние между смертью и новым рождением продолжительностью в 49 дней. Книга состоит из трех частей. В первой («Чигаи Бардо») описаны психические явления в момент смерти; во второй («Ченид Бардо») — состояние сразу после смерти и так называемые «кармические видения»; в третьей («Сидпа

---

¹ Перевод из книги «Собрание сочинений К. Юнга, том 11: Психология и религия: Запад и Восток» (Collected Works of C.G. Jung, Volume 11: Psychology and Religion: West and East).

Бардо») — возникновение инстинкта рождения и явления, предшествующие новому рождению. Согласно «Книге мертвых» высшая степень понимания и просветления, а значит — максимальная возможность освобождения — достигается человеком в момент смерти. Вскоре после нее возникают «видения», которые в конечном итоге приводят к новому рождению, причем изначальный ослепительный свет постепенно тускнеет и дробится, а видения становятся все более жуткими. Такое нисхождение поясняет отчуждение сознания от освобождающей истины по мере приближения к моменту физического рождения. Наставления «Книги мертвых», которые лама читает над мертвым телом, предназначены для того, чтобы на каждом этапе новых иллюзий и заблуждений напоминать умершему о постоянной возможности освобождения и объяснять природу его видений.

«Бардо Тхёдол», появившаяся в англоязычных странах в 1927 году и удачно названная ее издателем В. Эванс-Вентцем «Тибетской Книгой мертвых», вызвала настоящую сенсацию. Она принадлежит к разряду тех книг, которые представляют интерес не только для специалистов-буддологов; своей человечностью и глу-

боким проникновением в тайны человеческой души она особо привлекает внимание непрофессионала, жаждущего расширить свои знания о жизни. Со времени появления в Европе «Книга мертвых» была моим постоянным спутником — ей я обязан не только важными идеями и открытиями, но и своими глубочайшими прозрениями. В отличие от «Египетской книги мертвых», которая говорит одновременно слишком много и слишком мало, «Бардо Тхёдол» представляет собой вполне уместное учение, имеющее в виду не богов или дикарей, а самых обычных людей. И «гневные», и «мирные» божества понимаются в нем как сансарические проекции человеческой души, что просвещенному европейцу кажется очевидным, поскольку напоминает его собственные банальные построения. Но хотя европейец с легкостью может счесть эти божества проекциями, он совершенно не способен одновременно говорить об их реальности. «Книга мертвых» делает именно это, благодаря важнейшим своим метафизическим предпосылкам, чего не может просвещенный и непросвещенный европейец. «Книга мертвых» исходит из неявного допущения антиномичности любых метафизических утвержде-

ний, а также из идеи качественного своеобразия разных уровней сознания и обусловленных ими метафизических реальностей. В основу этой удивительной книги положено не скудное европейское «или — или», а величественное и утверждающее «и — и». Эта формула может показаться западному сознанию спорной, поскольку Запад предпочитает ясность и недвусмысленность, что позволяет одному мыслителю рьяно признавать существование Бога, а другому с не меньшей категоричностью его отрицать. Интересно, как отнеслись бы эти враждующие собраты к следующему высказыванию: «Осознав, что пустота твоего разума есть состояние Будды, и рассматривая ее как свое собственное сознание, ты достигнешь состояния Божественного Разума Будды»?

Боюсь, что такого рода высказывания совершенно неприемлемы ни для философии, ни для богословия Запада. «Книга мертвых» в высшей степени психологична, в то время как наша философия и богословие до сих пор пребывают на средневековом, допсихологическом уровне, на котором позволяет выслушивать, объяснять, защищать, критиковать и обсуждать только отдельные высказывания, но не лежащие в их ос-

нове догмы, выносящиеся за пределы всякого обсуждения.

Вместе с тем понятно, что любые метафизические утверждения — это высказывания души, и следовательно — психологические высказывания. Европейскому сознанию, компенсирующему свое знаменитое чувство ущемленности рабской привязанностью к «рациональным» объяснениям, эта очевидная истина кажется или слишком очевидной, или недопустимым отрицанием метафизической «истины». Всякий раз, когда европеец слышит слово «психологический», он воспринимает его как *«только психологический»*. «Душа» кажется ему чем-то ничтожно малым, недостойным внимания, субъективным, сугубо личным и т.д. и т.п., поэтому он предпочитает слово «разум» и любое свое суждение — сколь бы субъективным оно ни было — склонен относить на счет «разума», подразумевая при этом «Универсальный Разум» и даже «Абсолют». Вероятно, эта удивительная самонадеянность служит для униженной «души» своеобразной компенсацией. А. Франс верно уловил суть западной цивилизации словами Екатерины Александрийской из «Острова пингвинов», которая советует Богу: «Дай им душу, только крошечную!»

Именно душа, наделенная божественной творческой энергией, делает метафизические утверждения и устанавливает различия между метафизическими понятиями. Душа — не только условие метафизической реальности, но и сама реальность.

С этой глубокой психологической истины и начинается «Книга мертвых». Она — не описание погребального обряда, а система наставлений для умершего, путеводитель по области *Бардо* с ее меняющимися видениями, среди которых душа пребывает в течение 49 дней с момента смерти человека до его нового рождения. Если читатели «Книги мертвых» будут исходить из вневременности души — что на Востоке считается самоочевидным, — они смогут без труда поставить себя на место умершего и внимательно прислушаться к поучениям, с которых начинается книга и представление о которых дает приведенная выше цитата. И тогда ничуть не самонадеянно, но смиренно прозвучат слова: «О благороднорожденный, слушай! Сейчас ты созерцаешь Сияние Чистого Света Совершенной Реальности. Познай его. О благороднорожденный, твой разум пуст, он лишен формы, свойств, признаков, цвета; он пуст —

это сама Реальность, Всеблагость. Твой разум пуст, но это не пустота Небытия, а разум как таковой — свободный, сияющий, трепещущий, блаженный; это само Сознание, Всеблагой Будда».

Осознание этого — есть состояние абсолютной просветленности, Дхарма-Кайя; или, прибегая к знакомому нам языку, творческая основа всех метафизических рассуждений — само сознание, незримое, неуловимое проявление души. «Пустота» — есть состояние за пределами каких бы то ни было суждений или утверждений, однако вся полнота ее многообразных проявлений скрытно пребывает в душе.

Далее в «Книге мертвых» говорится: «Твое сознание, сияющее, пустое, неотделимо от Великого Источника Света: оно не рождается и не умирает, оно — Немеркнущий Свет, Будда Амиита».

Душа (или индивидуальное сознание) не только не ничтожна, но она и есть Сияющее Божество. Запад или считает такое заявление опасным (а то и просто богохульным), или бездумно принимает его, страдая впоследствии от теософской инфляции. В этом вопросе мы всегда умудряемся занять неверную позицию. Но если бы нам удалось преодолеть себя и избежать своей

главной ошибки — непрестанного желания что-то делать с вещами, находить им практическое применение, — возможно, тогда нам удалось бы усвоить тот важный урок, который дает «Книга мертвых» (или, по крайней мере, осознать ее величие): она открывает умирающему глубочайшую истину, согласно которой даже боги есть не что иное, как сияние и отражение нашей собственной души. Солнце на Востоке не меркнет, как померещилось бы христианину, у которого «похитили» Бога; напротив, человеческая душа оказывается светом Божества, а Божество — душой. Восток с большей легкостью принимает этот парадокс, чем, скажем, Ангел Силезский, психологичность которого обогнала даже наше время.

«Книга мертвых» говорит о первичности души, что крайне важно, ибо это единственное, в чем жизнь нас не убеждает. Наша жизнь настолько переполнена вещами, теснящими и подавляющими нас, что, окруженные ими как «данностями», мы не находим времени поразмыслить: кем же они «даны»? Умерший освобождается от мира «данностей»; цель поучений «Книги мертвых» — помочь его освобождению. Если при чтении книги нам удастся поставить

себя на место умершего, нас ожидает не меньшая, чем его, награда: с первых же строк мы узнаем, что «податель» всего «данного» пребывает внутри нас. Эта истина, вопреки всей очевидности ее проявлений как в великом, так и в малом, нам неизвестна, хотя знать ее жизненно необходимо. Конечно, такое знание годится только созерцателям, жаждущим постичь смысл существования, гностикам по темпераменту, верящим в спасение через «познание жизни». Для того, чтобы увидеть мир как «данный» сущностью нашей души, необходим коренной переворот в мировоззрении, требующий немалых жертв. Представление о том, что все происходит «для меня», более непосредственно и впечатляюще (и потому более убедительно), нежели мысль о том, что все происходит «из меня». Действительно, животная природа человека не позволяет ему видеть в себе творца своих обстоятельств. Вот почему любые попытки такого рода становились предметом тайных посвящений, которые обычно достигали своего апогея в символической смерти посвящаемого, долженствующей указать на необратимый характер происшедшего изменения. Фактически наставления «Книги мертвых» служат умирающему на-

поминанием о его посвящении, о том, чему обучал его *гуру*, — эти наставления суть не что иное, как посвящение умершего в жизнь *Бардо*, равно как посвящение живущего означает приготовление к загробной жизни. Так, по крайней мере, обстоит дело во всех тайных культах древних цивилизаций со времен египетских и элевсинских мистерий. Однако в посвящении живущего загробный мир — это не мир после смерти, а переворот в его взглядах и стремлениях, психологический загробный мир, или, прибегая к христианским понятиям, искупление мирских соблазнов и греха. Искупление — есть отвержение и избавление от неведения и мрака, движение к просветлению и освобождению, к победе и выходу за пределы всякой «данности».

Итак, «Книга мертвых» описывает процесс посвящения, цель которого — вернуть душе божественную сущность, утраченную ею с физическим рождением. Для восточной религиозной литературы характерно то, что учение неизменно излагается с самого главного, с основных принципов, которые у нас, как правило, появляются лишь в конце (так, Луций у Апулея обращается с молитвой к Гелиосу только в конце книги). В соответствии с этим, описанное в «Кни-

ге мертвых» посвящение представляет собой ряд ослабевающих пульсаций, завершающийся новым рождением. Единственная разновидность посвящения, которая известна в настоящее время на Западе, — это анализ бессознательного, осуществляемый врачом с психотерапевтическими целями. Такое проникновение в лежащие ниже уровня сознания слои — есть разновидность рациональной майевтики по Сократу: выявление психического содержания, в зародыше пребывающего в подсознании. Первоначально психотерапия была связана с психоанализом Фрейда и сосредоточивалась в основном на сексуальных фантазиях. В «Книге мертвых» этой области соответствует *Сидпа*, последняя, низшая область, в которой умерший, не сумевший усвоить смысл поучений двух первых частей книги — «Чигай Бардо» и «Ченид Бардо», — становится жертвой своих сексуальных фантазий и прельщается видениями соединяющихся любовных пар. Наконец, одно из материнских чрев улавливает его и вновь рождает в этом мире. Как и следовало ожидать, в действие вступает эдипов комплекс. Если *карма* умершего такова, что он родится мальчиком, то он влюбится в свою будущую мать и возненавидит отца, и наоборот, бу-

душая девочка почувствует влечение к тому, кто станет ее отцом, и отвращение к матери. Европейец проходит эту специфически фрейдистскую область, когда с помощью психоанализа извлекается на свет содержание его бессознательного, но он движется при этом в обратном направлении — от детских сексуальных фантазий к материнскому чреву. В кругах психоаналитиков была высказана гипотеза, что главная психическая травма обусловлена переживаниями в момент рождения; более того, психоанализ пытается восстановить воспоминания о внутриутробном периоде существования. К несчастью, европейский ум достигает на этом своего предела. Можно, казалось бы, ожидать, что психоанализ Фрейда успешно проникнет в область так называемых внутриутробных переживаний и пойдет дальше; произойди это — и психоанализ покинул бы область *Сидпа* и проник в низшие слои *Ченид*. Однако, опираясь на современные биологические представления, это рискованное предприятие не может увенчаться успехом: основанной на нынешних научных предпосылках философской подготовки для этого явно недостаточно. Если бы путешествие все-таки удалось продолжить, это наверняка привело бы к постулату о предутробном существовании (т.е. о под-

линном существовании в области *Бардо*) при условии, что удалось бы обнаружить какой-нибудь след этого существования. Как известно, далее чистых гипотез относительно внутриутробного опыта психоанализ не продвинулся; даже пресловутая «травма рождения» обернулась обычным трюизмом вроде того, что «жизнь — это болезнь с неблагоприятным прогнозом, ибо исход ее всегда фатален».

Психоанализ Фрейда по существу не пошел дальше области *Сидна*, т.е. не сумел отделить себя от сексуальных фантазий и прочих «несовместимых» тенденций, порождающих беспокойство и иные аффекты. Тем не менее фрейдизм предпринял первую на Западе попытку исследовать — хотя бы снизу, из сферы животного инстинкта, — ту область психики, которой в тантрическом ламаизме соответствует область *Сидна*. Вполне понятный страх перед метафизикой помешал Фрейду проникнуть в сферу «окультурного». Согласно психологии «Сидпы Бардо», состояние *Сидна* характеризуется мощным потоком *кармы*, уносящим умершего к «воротам материнского чрева». Из области *Сидна* невозможно движение назад — она отрезана от области *Ченид* интенсивным стремлением вниз, в сферу животного инстинкта и нового рож-